

К ИДЕЙНЫМ ИСТОКАМ ВОЙНЫ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ США

В. В. Согрин

Североамериканская война за независимость (1775—1783 гг.) была обусловлена действием многих факторов. Главными среди них были социально-экономические и политические противоречия между колониями и метрополией, а также внутри самих колоний. Важное место в вызревании ее предпосылок занимает идейная борьба американских колонистов против английского господства. По словам второго президента США, Д. Адамса, еще до начала войны против Англии «революция была в умах народа, и она совершалась с 1760 по 1775 г., в течение пятнадцати лет перед тем, как первая кровь была пролита под Лексингтоном»¹. Однако этот аспект истории войны за независимость и в особенности развитие антиколониальной мысли до сих пор специально не рассматривались в нашей литературе².

Война за независимость для своего времени имела прогрессивное значение. В. И. Ленин характеризовал ее как революционную, освободительную войну американского народа против колониального рабства³. Но предъюбилейный тезис американских буржуазных историков и политиков о том, что США до сих пор являются носителями идейно-политических традиций войны за независимость⁴, ставит истинное соотношение между настоящим и далеким прошлым страны с ног на голову. Американская буржуазия, освободившись от английских колониальных пут и утвердив свое господство в стране, сама стала на путь порабощения других народов. «Внешнеполитическая идеология империалистической буржуазии США на пороге XX в., — справедливо отмечал И. П. Деметьев, — необычайно выпукло отразила путь американского капитализма за 100 с небольшим лет. Из прогрессивных теорий передовых представителей буржуазии было выхолощено гуманистическое содержание. От идей народ-

¹ Цит. по М. Jensen. *The Founding of a Nation. A History of the American Revolution*. N. Y. 1968, p. XI.

² Советские историки исследовали в основном воззрения отдельных наиболее крупных представителей американского Просвещения. См.: М. И. Захарова. О генезисе идей Томаса Джефферсона. «Вопросы истории», 1948, № 3; А. В. Ефимов. Общественная деятельность Вениамина Франклина. «Вестник Академии наук СССР», 1956, № 3 (см. также А. В. Ефимов. США. Пути развития капитализма (доимпериалистическая эпоха). М. 1969); И. А. Белявская. Б. Франклин — деятель национально-освободительного движения американского народа. «Вопросы истории», 1956, № 10; Н. М. Гольдберг. Свободолюбие и атеизм в США (XVIII—XIX вв.). М.-Л. 1965; его же. Томас Пейн. М. 1969; И. П. Деметьев. Социологические и исторические воззрения североамериканских просветителей XVIII в. «Историография нового времени стран Европы и Америки». М. 1967; Р. Ф. Иванов. Франклин. М. 1972.

³ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 37, стр. 48.

⁴ Подробно о юбилейных установках Вашингтона в связи с войной за независимость см.: О. Л. Степанова. Пропагандистские установки Вашингтона к 200-летию юбилею. «США — экономика, политика, идеология», 1972, № 1; А. Н. Шлепаков. США в преддверии 200-летия независимости. «Вопросы истории», 1973, № 7.

ного суверенитета, закрепленных в Декларации независимости, США перешли к навязыванию завоеванным народам колониального управления, от провозглашенных просветителями принципов равенства — к апологии неравенства народов и рас, от демократического изоляционизма — к империалистическому интервенционизму»⁵.

В трудах многих американских буржуазных историков непомерно преувеличивается революционный и прогрессивный характер идейных устремлений американской буржуазии XVIII века⁶. Конечно, североамериканская буржуазия, вырабатывая идеологию войны за независимость, не могла не считаться с народными массами как с ее движущей силой, но при этом проявляла крайнюю осторожность, всеми мерами стремясь обеспечить собственное экономическое и политическое господство. Идеиные принципы, выдвинутые войной за независимость, в целом оказались умеренней, чем идеология Французской буржуазной революции конца XVIII в., где народные массы обладали большей силой воздействия на развитие событий.

Что касается идеологии патриотического движения в Северной Америке в период, предшествовавший войне за независимость, то здесь обращает на себя внимание сохранявшаяся в течение долгого времени примиренческая позиция буржуазного руководства американскими колониями в отношении Англии и монархии. Развернутая концепция революционного отделения колоний от Англии была выдвинута фактически только в январе 1776 г. и сформулирована отнюдь не «отцами-основателями», а патриотом-чужестранцем, англичанином Т. Пейном, прибывшим в Новый Свет в 1774 г. отстаивать права колоний. Именно он нанес решительный удар по монархическим и примиренческим иллюзиям патриотического движения, став истинным глашатаям борьбы за независимость и революцию в Северной Америке. Наследие его, однако, замалчивается или третируется буржуазными историками и политическими деятелями США. В планы намеченных в связи с юбилеем многотомных изданий бумаг «великих белых мужей», как назвал «отцов-основателей» радикальный историк Дж. Лемисш, работы Пейна вообще не включены⁷. Это говорит о действительном отношении официальной Америки к подлинной революционной традиции войны за независимость. Исследование с марксистских позиций идеологии американской революции позволяет увидеть несоответствие между ее действительным содержанием и тем, как она отображена в буржуазной историографии США⁸.

Идеология войны за независимость включала в себя как проблемы антиколониальной борьбы, так и проблемы внутренних общественных

⁵ И. П. Дементьев. Идейная борьба в США по вопросам экспансии (на рубеже XIX—XX вв.). М. 1973, стр. 341—342.

⁶ См., например, материалы специального симпозиума американских историков по проблемам идеологии войны за независимость «The Development of a Revolutionary Mentality». Washington. 1972.

⁷ О замалчивании роли Пейна в войне за независимость США и об откровенно враждебном отношении к нему со стороны современных буржуазных политиков и историков США см.: Н. М. Гольдберг. Томас Пейн, стр. 9, 10; Н. Н. Болховитинов. Теоретические и историографические проблемы американской революции XVIII в. М. 1973, стр. 8.

⁸ В США существует обширнейшая литература по проблемам идейных предпосылок войны за независимость. Назовем здесь важнейшие обобщающие монографические работы: Ch. Mullett. Fundamental Law and the American Revolution. 1760—1776. N. Y. 1933; R. G. Adams. Political Ideas of the American Revolution. N. Y. 1939; В. Вайлун. The Ideological Origins of the American Revolution. Cambridge (Mass.). 1967; S. Lynd. Intellectual Origins of American Radicalism. L. 1969. Наибольшей известностью пользуется книга Б. Бэйлина. Однако она фактически не дает представления о воззрениях левого крыла патриотов (С. Адамс, Т. Джефферсон, Т. Пейн, Б. Франклин). Вопросы историографии идеологии американской революции специально рассмотрены в статье: Н. Н. Болховитинов. Некоторые проблемы историографии американской революции XVIII в. «Новая и новейшая история», 1973, № 6.

преобразований. В период вызревания непосредственных предпосылок войны, в критические (1764—1776) годы главной для лидеров патриотического лагеря была тема антиколониальной критики. После провозглашения независимости ведущее место занимают внутренние социально-политические проблемы. Так что, если говорить о собственно идейных истоках войны за независимость, то их основным компонентом была антиколониальная критика. В ней выступали три доктрины: умеренная, радикальная и революционная. Каждая из них имела своих наиболее последовательных сторонников. Анализу их воззрений и посвящено основное содержание данной статьи.

Взаимоотношения Англии и Северной Америки в период от окончания Семилетней войны (1763 г.) и до начала войны за независимость характеризовались обострением колониального гнета во всех сферах — экономической, социальной, политической. Таяли иллюзии о наличии в колониях каких-либо начал самоуправления, суверенитета местных ассамблей. В дополнение к непосредственной власти английской короны и назначенных ею губернаторов пришло господство парламента и министров.

Американцы во всей полноте ощутили вмешательство парламента в управление колониями с принятием им в 1765 г. гербового акта. Тем самым наносился ущерб не только их карману, но и давалось понять, что ими намереваются управлять, не считаясь с их собственными выборными органами — ассамблеями. 18 марта 1766 г. парламента издал так называемый разъяснительный закон, в котором объявлял о праве «подчинять своей воле колонии и народ Америки, подданных короны Великобритании, во всех возможных случаях»⁹. Далее парламента стал прибегать к таким мерам, как роспуск ассамблей, изменение колониальных хартий, отмена суда присяжных, расквартирование постоянной армии в мирное время и т. д., которые в самой Англии практиковались королями во времена расцвета абсолютизма.

В 1765 г. по Северной Америке прокатилась первая мощная волна антианглийских выступлений. Подводя итоги событиям этого года, Д. Адамс писал: «Наша пресса стонала, с церковных кафедр извергались молнии, наши ассамблеи принимали резолюции, города голосовали, королевские чиновники везде тряслись от страха, а их ничтожные пособники боялись выступать и стыдились появляться на глаза»¹⁰. Патриотическое движение очень быстро выдвинуло своих идеологов, которые сосредоточились в основном на одном главном вопросе — о форме государственно-правовых отношений с Англией. Идейные доктрины, получившие наибольшее распространение в 1760-е годы, носили еще умеренный характер. В них отсутствовала даже постановка вопроса о государственно-правовой автономии североамериканских провинций, требование которой стало главным в радикальной критике, оформившейся в самостоятельное течение на рубеже 1760—1770-х годов. Умеренная доктрина, явившаяся идейным выражением начального периода патриотического движения, получила наиболее полное выражение в воззрениях Д. Отиса и Д. Дикинсона. Массачусетский политик Дж. Отис первым дал развернутое теоретическое обоснование прав колонистов. Его политические требования носили крайне умеренный характер, однако аргументы, с помощью которых он их отстаивал, были в дальнейшем использованы и радикальными теоретиками. Свой получивший громкую известность памфлет «Рассмотрение и обоснование прав британских колоний» Отис опубликовал в Бостоне в 1764 г., когда билль о гербовом сборе еще только обсуждался английским парламентом. Отиса до этого знали как лидера

⁹ «American Colonial Documents to 1776». Ed. by M. Jensen. L., N. Y. 1955, p. 696.

¹⁰ «The Adams Papers». Ed. by L. H. Butterfield. Vol. I. Cambridge (Mass.). 1961, p. 263.

оппозиционной политической группировки в Массачусетсе, боровшейся против фракции вице-губернатора Т. Хатчинсона, которая добилась почти монопольного обладания важными административными и судебными постами в этой колонии. В борьбе с политической властью колонии Отису не были чужды мотивы личной выгоды, тщеславие¹¹. Попытка Отиса возглавить патриотов в Массачусетсе объяснялась не только его недовольством английскими указами, но и стремлением при помощи этого движения сломить господство клки Хатчинсона.

Памфлет Отиса свидетельствовал об эрудиции бывшего выпускника гарвардского колледжа, он изобилует ссылками на античных авторов и западноевропейских мыслителей, таких, как Д. Локк, Э. Кок, С. Пуфендорф, Г. Гроций. Отдавая должное их учености, Отис подчеркивал, что даже самые авторитетные европейские мыслители не дали общей теории прав колониальных народов. Выводы Гроция и Пуфендорфа в этом вопросе опирались на опыт имперской политики древней Греции и древнего Рима, а отнюдь не на современную практику¹². Предлагая свою концепцию прав колоний, Отис решил привлечь самое передовое по тому времени учение о естественном праве, которое, как известно, открывало возможность для самых разных политических суждений и выводов об изначальных правах людей. В Западной Европе теория естественного права использовалась буржуазными идеологами для критики социального неравенства феодального общества и проповеди идеи о неотчуждаемости частной собственности. Но уже Ж.-Ж. Руссо использовал это учение для защиты эгалитарного идеала, а Ж. Мелье, Г.-Б. Мабли, Морелли мыслили «естественное состояние» в соответствии с принципами утопического коммунизма. Отис же обратился к этой теории, чтобы от имени «бога и природы» уравнивать в правах колонистов и англичан. В «естественном состоянии», рассуждал Отис, не было ни колонистов, ни англичан, все они просто люди, во всем равные между собой, и они не могли утратить этих равных прав, разделившись в гражданском обществе на жителей Великобритании и жителей Северной Америки¹³.

Хотя Отис и опирался на естественно-правовое учение для обоснования притязаний американцев, его политические воззрения были крайне умеренными. Если через 12 лет после Отиса Т. Джефферсон в Декларации независимости, исходя также из учения о естественном праве, обосновывал право колоний на отделение от метрополии и образование в Северной Америке самостоятельного государства, то Отис добивался всего лишь распространения на колонистов гарантий тех прав, которыми, как он утверждал, пользовались жители самой Англии. Все необходимые человеку права были, по его мнению, уже открыты Локком и отражены в английской конституции, то есть в таких правовых актах, как Великая хартия вольностей 1215 г., «Habeas Corpus Act» 1679 г., билль о правах 1689 г. и др.

Основываясь на этом, Отис утверждал, что поскольку колонисты при переселении в Америку являлись свободными подданными Великобритании, постольку принципы английской конституции (перед которой он открыто преклонялся) распространяются на них в той же мере, как и на жителей метрополии. Английскую конституцию он рассматривал в качестве второго наряду с естественно-правовым учением источника прав колонистов. Определение государственно-правовой функции конституции Отис заимствовал у британского политического теоретика XVII в. Э. Кока. Вслед за Коком он объявлял конституцию фундаментальным правовым установлением, изменить которое могло только «народное соглаше-

¹¹ M. Jensen. Op. cit., pp. 74--78.

¹² J. Otis. The Rights of British Colonies Asserted and Proved. «Pamphlets of the American Revolution». Ed. by B. Bailyn. Vol. I. Cambridge (Mass.). 1965, pp. 437--438.

¹³ Ibid., p. 439.

ние». Любой же акт парламента, расходящийся с принципами конституции, Отис считал незаконным, подлежащим отмене или пересмотру¹⁴. В данном случае приверженность Отиса государственно-правовой традиции отвечала интересам колонистов. Ссылаясь на основной принцип английской конституции, согласно которому избиратели должны были подчиняться только законам, принятым их представительными органами власти, он называл недействительными любые парламентские акты в отношении Северной Америки, поскольку колонисты не имели своих депутатов в Вестминстере.

В дальнейшем радикальные лидеры патриотов — С. Адамс, Т. Джефферсон — преобразовали положение о неконституционности парламентских актов в отношении колоний в политический лозунг неподчинения любым решениям лондонских законодателей. Сам же Отис таких требований никогда не выдвигал. Проявляя явную умеренность (а некоторые патриоты прямо обвиняли его в трусости), он призывал подчиняться даже неконституционным решениям парламента до тех пор, пока лорды и общины сами «не осознают» своей ошибки и не отменят «неверного» акта¹⁵. Чтобы прикрыть свою непоследовательность, Отис изобретал теоретические положения, которые противоречили тому, о чем он писал раньше. В результате тезис, что конституция выше парламентской власти и не может быть нарушена парламентом, соседствовал у него с утверждением, что парламентская воля является частью конституции и неподчинение акту Вестминстера означает неподчинение конституции. Такое уравнивание роли конституции и парламентской власти понадобилось Отису для того, чтобы убедить своих соотечественников в том, что только парламент правомочен отменять собственные, пускай даже и неверные, билли. Отис осмеливался указывать «августейшему парламенту» на его ошибки только на бумаге. Его памфлет создавал ложное представление о парламенте, который будто бы был способен и даже готов отменять собственные неверные решения.

Умеренность Отиса обнаружилась особенно отчетливо при решении вопроса, имеют ли право местные ассамблеи в колониях издавать законы. Радикалы в будущем, и прежде всего С. Адамс, отталкиваясь от предложенного Отисом толкования английской конституции, согласно которому законодательная функция закреплялась за представительным органом власти, требовали признать суверенитет ассамблей во внутренних делах колоний. Однако сам Отис до такого требования не поднимался. Ссылаясь на Локка, писавшего в свое время, что в каждом государственном объединении должна быть одна высшая законодательная воля, он объявлял власть парламента в империи единой и неделимой. Идее наделения колониальных ассамблей законодательной властью он противопоставлял лозунг достижения представительства колоний в Вестминстере¹⁶. Такое представительство, полагал он, уравнило бы американцев в правах с англичанами и сделало бы законными постановления парламента в отношении колоний. Обосновывая право американцев на представительство в парламенте, Отис фактически подвергал сомнению наиболее излюбленную доктрину правящего класса Англии, которая состояла в признании парламента органом всей нации, даже если его состав избирается только несколькими графствами.

Когда американцы стали отрицать законность решений парламента в отношении колоний, поскольку они не имели депутатов в этом органе, лондонские политики заявили им, что парламент «фактически» представляет и их интересы, равно как и интересы манчестерцев и ливерпульцев, которые также не посылают депутатов в парламент. Отис подверг критике доктрину «фактического» представительства, увековечивавшую при-

¹⁴ Ibid., pp. 444, 445, 454, 455.

¹⁵ Ibid., p. 448.

¹⁶ Ibid., p. 445.

вилегии «гнилых» местечек и аристократов в Англии, а равно и господство метрополии в империи. Если придерживаться точки зрения «фактического» представительства, едко замечал он, то тогда можно объявить парламент представительным органом земного шара и иных планет. Упорство, с каким Отис добивался для колоний представительства в парламенте, не возмело, однако, существенного влияния на его соотечественников. Им было совершенно ясно, что горстке колониальных депутатов в парламенте все равно не удастся оказать сколько-нибудь существенное влияние на его политический курс. Политическое требование Отиса было поддержано только бывшим губернатором Массачусетса Т. Поунэлом¹⁷. И тем не менее памфлеты Отиса оказали большое влияние на антиколониальную мысль как образец использования естественно-правового учения и английской конституции для защиты интересов колоний.

В 1767—1768 гг., во время второго англо-американского кризиса, начало которому положили таможенные законы Ч. Тауншенда (первый кризис — 1765—1766 гг. — был вызван гербовым актом), среди патриотов имели наибольшее хождение «Письма пенсильванского фермера». Известный американский буржуазный историк М. Дженсен пишет, что популярность «Писем» среди колонистов не была превзойдена ни одним произведением вплоть до появления в 1776 г. «Здравого смысла» Т. Пейна¹⁸. Под псевдонимом «фермера» скрывался представитель квакерской верхушки Пенсильвании, политик с солидным юридическим образованием и сложившейся системой правовых взглядов Д. Дикинсон, который к тому времени вместе с Отисом уже был признанным лидером патриотов.

В момент обсуждения Декларации независимости в июне — июле 1776 г. Д. Дикинсон решительно противопоставил себя Континентальному конгрессу, выступив против отделения колоний от Англии. Ни современники, ни историки не простили ему этого. Даже самые маститые американские буржуазные исследователи были безжалостны к Дикинсону, рассматривая всю его политическую деятельность только сквозь призму выступления 1 июля 1776 г. против Декларации независимости¹⁹. Впрочем, в последние годы среди буржуазных историков США обнаружилась другая крайность: стремление совершенно обелить его²⁰. Разумеется, было бы антиисторично отождествлять умеренность «Писем пенсильванского фермера» с антипатриотическим выступлением Дикинсона в 1776 году. Уже самый факт, что после опубликования его «Писем» тост за «пенсильванского фермера» стал излюбленным на банкетах, которые устраивались патриотами, говорит о том, что они признали в нем идейного лидера. Осторожность и политическая умеренность, характерные для «Писем», в значительной степени отражали общий уровень сознания участников патриотического движения второй половины 1760-х годов.

Имя Дикинсона стало широко известно в Северной Америке еще в 1765 г., после съезда 9 колоний в Нью-Йорке, собравшегося для того, чтобы выработать единую программу борьбы против гербового акта. Дикинсон был автором декларации этого конгресса. В ней решительно отвергалась мысль Отиса о возможности и желательности представительства колоний в парламенте. Взамен этого предлагалось своеобразное разделение суверенитета в управлении колониями между парламентом

¹⁷ R. G. Adams. Op. cit., p. 31.

¹⁸ M. Jensen. Op. cit., p. 243.

¹⁹ C. Nettels. The Roots of American Civilization. N. Y. 1938. p. 635; J. C. Miller. The Origins of the American Revolution. Boston. 1943. pp. 257, 258; V. L. Parrington. The Colonial Mind. N. Y. 1954. pp. 224—237.

²⁰ B. Bailyn. Op. cit., pp. 215—216; D. Jacobson. John Dickinson and the Revolution in Pennsylvania. 1764—1776. Los-Angeles. 1965.

и местными ассамблеями, причем налогообложение колонистов признавалось исключительной прерогативой местных legislatures²¹.

В 12 «письмах» к «жителям британских колоний», которые публиковались в «*Pennsylvania Chronicle*» с декабря 1767 г. по февраль 1768 г., а затем были изданы отдельной брошюрой во многих городах Северной Америки, Дикинсон попытался окончательно оформить свои мысли о границах прерогатив английского парламента и колониальных ассамблей. Он соглашался с английскими теоретиками и с Отисом, что в любой империи, в том числе и в Британской, должен быть единый, высший для всех ее частей, правительственный орган. Но тут же — и это было нововведением в английскую имперскую доктрину — Дикинсон ограничивал компетенцию парламента вне пределов Англии одним лишь «регулированием торговли»²².

Как бы ревизуя «разъяснительный закон» 1766 г., которым парламента наделял себя неограниченной властью по отношению к колониям, Дикинсон считал, что в компетенцию парламента не должно входить право налогообложения, судопроизводства, созыва или роспуска ассамблей, размещения войск на постой; эти прерогативы надлежало передать местным представительным органам. Особенно решительно он выступал против «незаконно присвоенного» парламентом права налогообложения колонистов. Возвращение этого права ассамблеям, утверждал Дикинсон, означало бы восстановление старого английского конституционного принципа: «налогообложение и представительство неразделимы». Подчеркнутая неприязнь Дикинсона к парламентамскому налогообложению понятна — оно било по кошелькам американцев, чьи денежные интересы он защищал особенно рьяно, ссылаясь при этом на английский конституционный обычай. В отличие от многих американских политических деятелей, которые начиная с 1704 г. беспрестанно рассуждали о том, какие формы парламентамского налогообложения законны, а какие нет, Дикинсон решительно отвергал все виды парламентамского налогообложения — и гербовый сбор 1765 г. (как налог на собственность колонистов) и сборы по акту Тауншенда 1767 г., представлявшие собой пошлины на ввозимые английские товары²³.

Соглашаясь оставить за парламентом по отношению к колониям Северной Америки только право «регулирования торговли», Дикинсон считал необходимым изъять из его компетенции всю сферу социально-политического законодательства. Но и экономические законы парламента, подчеркивал он, могли включать в себя лишь такие акты, которые бы не преследовали цель извлечения денежных средств из колоний. Сужение Дикинсоном сферы парламентамских прерогатив в колониях вместе с тем не означало посягательства на экономическую основу господства Англии в Северной Америке, на ее политику меркантилизма. Под «регулированием торговли» Дикинсон понимал право регламентировать производство всех товаров в Северной Америке, ограничивать торговлю между колониями, утверждать монополию Англии на ввоз готовой продукции в колонии и вывоз из них сырья, то есть запрещать им торговать с другими странами²⁴.

В итоге критика английской колониальной политики носила у Дикинсона, как и у Отиса, умеренный характер. Как и Отис, он не скупился на комплименты английскому королю и «августейшему» парламентам. Оба эти автора не допускали и мысли об отделении от Англии. «Если мы однажды отделимся от нашей матери, — восклицал Дикинсон, — какую новую форму правления сможем мы одобрить и где мы найдем другую

²¹ «*American Colonial Documents to 1776*», p. 672.

²² J. Dickinson. *Letters from a Farmer in Pennsylvania to the Inhabitants of British Colonies*. Philadelphia. 1774. pp. 12, 13, 18, 22, 23.

²³ *Ibid.*, pp. 35, 38—40, 46—48, 106, 111, 115, 136.

²⁴ *Ibid.*, pp. 22, 30—33, 46—48.

Британию, чтобы восполнить нашу потерю!»²⁵. Без экономической опеки Англии и ее военно-политического покровительства колонии, по его мнению, были обречены на гибель.

Некоторые рассуждения Дикинсона выглядели в сравнении со взглядами Отиса несколько отсталыми. Так, если Отис, исходя из естественно-правового учения, считал колонистов и англичан в равной степени свободными людьми, то Дикинсон утверждал, что колонии основаны Англией, и это по праву обеспечивает ей верховную экономическую и политическую власть над американцами²⁶. В будущем Б. Франклин, С. Адамс, Т. Джефферсон решительно отвергли этот аргумент, увековечивающий подчинение колоний Англии, и противопоставили ему тезис, что колонии были образованы независимыми поселенцами, на основе собственного договорного соглашения, которое гарантировало им государственную автономию.

На рубеже 1760-х — 1770-х годов в патриотическом движении Северной Америки наблюдается падение влияния умеренных идей Отиса и Дикинсона. Зато в нем начинает возрастать популярность концепций гомруля — государственно-правовой автономии провинций Нового Света. Требование гомруля высказывалось в Северной Америке и раньше. Но вплоть до конца 1760-х годов оно не получило развернутого обоснования, не имело в устах его сторонников самостоятельного звучания, перемежаясь с суждениями, заимствованными у тех же умеренных критиков политики Англии. Только на рубеже 1760-х — 1770-х годов идея гомруля обрастает развернутыми историческими, правовыми, социально-политическими и экономическими аргументами, приобретает вид законченной радикальной доктрины. Число ее сторонников среди патриотов растет. Идейная переориентация патриотического движения объяснялась рядом факторов. Среди них в первую очередь следует назвать все более широкое вовлечение в него народных масс, которые предпочитали половинчатым просьбам умеренных физическую расправу с угнетателями. Несостоятельность надежд на ограничение и смягчение власти парламента в колониях к этому времени уже вполне обнаружилась. А доктрина гомруля как раз и предполагала замену правления парламента в Северной Америке властью местных ассамблей.

Автором концепции гомруля буржуазные историки США считают Р. Бланда, представителя плантаторской аристократии Вирджинии, депутата ассамблеи, которого Д. Адамс запомнил как «книжника, ученого человека»²⁷. В 1764 г. Бланд впервые сформулировал тезис о праве колоний на самоуправление в вопросах «внутренней политики». К компетенции парламента он относил только решение «внешнеполитических» вопросов, касавшихся британских колоний в Северной Америке²⁸. Однако Бланд не подкреплял свои идеи аргументами, а главное, не раскрыл достаточно четко понятия «внутренняя» и «внешняя политика». Вполне вероятно, что под «внешней политикой» он понимал то же, что Дикинсон под «регулированием торговли». Но тогда вообще сомнителен его приоритет в формулировании идеи гомруля, который приписывают ему американские буржуазные историки²⁹. Во всяком случае, в дальнейшем Бланд оказался в одном лагере с умеренными, а не с радикалами.

Идею суверенитета колоний в вопросах «внутренней политики» можно обнаружить в резолюциях нескольких ассамблей, принятых в 1765 г. в знак протеста против гербового акта. В виргинских резолюциях от 30

²⁵ Ibid., p. 33.

²⁶ Ibid., p. 22.

²⁷ «The Adams Papers». Vol. II. Cambridge. 1961. p. 120.

²⁸ R. Bland. The Colonel Dismounted or Rector Vindicated. «Pamphlets of the American Revolution». Vol. I, pp. 320, 321.

²⁹ B. Bailyn. Op. cit. pp. 210, 211; Ch. Mullett. Colonial Claims to Home Rule. (1764—1776). «The University of Missouri Studies». Columbia. 1927. Vol. II, № 4, p. 5.

мая 1765 г., составленных адвокатом П. Генри, говорилось, что «в вопросах внутренней политики и налогообложения» жители колоний всегда подчинялись законам, «принятым с их собственного согласия». Эта формулировка была воспроизведена в резолюциях мэрилендской ассамблеи в сентябре того же года. А в резолюциях, принятых в октябре 1765 г. в Коннектикуте и Род-Айленде, утверждалось, что «в вопросах налогообложения и внутренней политики» эти колонии всегда управлялись «своими собственными ассамблеями»³⁰. После 1765 г., однако, в резолюциях ассамблей ничего не говорилось о суверенитете колоний в вопросах внутренней политики, а если изредка и упоминалось об этом, то всегда с оговорками, в которых признавалась верховная власть парламента.

Концепцию гомруля во второй половине 1760 г. последовательно проводил только Б. Франклин. Эту заслугу великого просветителя, как правило, не признают американские буржуазные историки. Вклад Франклина в антиколониальную мысль Северной Америки специально рассмотрен только в работах его биографа В. Грэйна³¹. С 1764 г. Б. Франклин был представителем пенсильванской ассамблеи в Лондоне. Затем такую же миссию доверили ему еще три колонии, так что он в некотором роде выступал как посол Северной Америки в Англии. Первое время после резкого обострения англо-американских противоречий в 1764—1765 г. Франклин занимал умеренную позицию, рассчитывая на быстрое и безболезненное примирение сторон. Но уже в январе 1766 г. в статье, помещенной в лондонской «Gazette», он ставит под сомнение право парламента на какую-либо законодательную власть в колониях³².

В 1767—1770 гг. Франклин развивает концепцию внутривластного суверенитета Северной Америки. Основой ее становится не встречающаяся у других антиколониальных критиков доктрина федеральной организации Британской империи, все части которой обладают совершенно равной государственно-правовой автономией. Согласно этой доктрине, вся полнота законодательной власти в каждой части империи, в том числе и в североамериканских колониях, должна быть сосредоточена в руках местных выборных органов, компетенция которых ограничена только имперским монархом, единственным связующим звеном равноправных провинций. Право на сформулированный таким образом суверенитет не могли получить лишь те части империи, которые не имели своих представительных органов власти, а вместо этого посылали депутатов в английский парламент. Это Шотландия и Уэльс, которые вместе с Англией составили единую часть империи. Другие же ее части — в данном случае Франклин ссылался на Северную Америку и очень часто на Ирландию — располагали, по его мнению, в рамках империи такими же правами, как и сама Англия³³.

Особенно Франклин подчеркивал отсутствие у Англии и английского парламента каких-либо преимуществ по сравнению с другими частями империи и их представительными органами власти. Он отрицал имперский характер английского парламента и полностью вычеркивал его из имперской схемы правления. Парламент, подчеркивал Франклин, должен довольствоваться ролью законодательной власти одной только Англии, и его претензии издавать указы в отношении Северной Америки столь же нелепы, сколь нелепы были бы попытки ирландского парламен-

³⁰ «American Colonial Documents to 1776», p. 669; Ch. Mullett. Colonial Claims to Home Rule, pp. 7—10.

³¹ V. W. Grane. Benjamin Franklin and a Rising People. Boston. 1954. В советской историографии участие Франклина в национально-освободительном движении американского народа обстоятельно исследовано в упомянутой выше статье И. А. Белявской.

³² «Benjamin Franklin's Letters to the Press. 1758—1775». Col. and ed. by V. W. Grane. Williamsburg. 1950, p. 48.

³³ Ibid., pp. 110, 111, 135; «The Works of Benjamin Franklin». Ed. by J. Sparks. Vol. I—X. Boston. 1840. Vol. IV, pp. 262, 272, 298; vol. VII, pp. 332, 333, 476.

та подчинять своим решениям английский народ. Формуле единого и неделимого суверенитета английского парламента в рамках всей империи, которую вслед за лондонскими политиками повторяли умеренные американские критики, Франклин противопоставлял формулу единого и неделимого суверенитета представительных органов каждой провинции в границах последней³⁴.

Свою доктрину суверенных прав Северной Америки и ее представительных органов власти Франклин рассматривал не как нововведение, а как восстановление изначальной формы управления колониями. Идеологи колоний при обосновании прав американцев привлекали четыре идейных источника: естественно-правовое учение, английскую конституцию, колониальные хартии, материалы истории колоний. Причем эти источники использовались различными идеологами по-разному. Если Отис, например, предпочитал ссылаться на естественно-правовое учение и английскую конституцию, то Б. Франклин апеллировал почти исключительно к исторической традиции, отыскивая в прошлом первооснову прав колонистов. Суверенитет колоний, по Франклину, вытекал из самого характера их заселения. Колонии, доказывал он, были основаны на землях, в отношении которых парламент «в то время вообще не обладал юрисдикцией». Они были созданы на средства поселенцев, а не парламента и в результате их договорного соглашения друг с другом и с королем. «Договорным» носителем власти в колониях стали ассамблеи, это было закреплено в хартиях. Все это, по его мнению, лишало каких-либо оснований притязания парламента на управление колониями, а попытки реализовать такие притязания есть не что иное, как политическая узурпация. Резко возражал Франклин своим оппонентам и по поводу того, что, переселяясь в Америку, англичане будто бы оставались английскими подданными и на них, дескать, автоматически переносились законы и весь общественный строй покинутой ими родины. На самом деле, писал он, поселенцы оставили Англию именно из-за желания порвать с ее церковным и политическим деспотизмом, феодально-сословным гнетом. Утверждать обратное, замечал он, то есть доказывать, что пилигримы переносили в Америку английские законы и зависимость от ненавистного им абсолютизма, означает отказывать им полностью в здравом рас- сужде³⁵.

Насколько последовательно Франклин проводил идею изначальной государственно-правовой автономии Северной Америки, свидетельствует и то, что в отличие даже от такого радикального мыслителя, как С. Адамс, он никогда не называл колонистов британскими подданными и не апеллировал к принципам английской конституции, поскольку вообще не распространял ее действия на свою родину. По мнению Франклина, единственным связующим звеном в Британской империи был король. Но при этом он, как имперский монарх, утрачивал свою зависимость от собственно английской государственности. Англия и Северная Америка были перед королем равны. Власть имперского монарха в колониях была, по мысли Франклина, ограниченной: волю ассамблей Франклин ставил выше воли монарха. Высшим источником власти в колониях он считал конституции-хартии, которые изменить мог только народ и которые были неподвластны воле монарха: «Хартии священны, нарушьте их, и существующая связь империи (королевская власть над нами) будет уничтожена»³⁶.

И все же политическое устройство федеративной империи, как и Северной Америки, в схемах Франклина оставалось строем конституционной монархии. Вообще до появления в январе 1776 г. памфлета Т. Пей-

³⁴ «The Works of Benjamin Franklin». Vol. IV, pp. 284, 298.

³⁵ «Benjamin Franklin's Letters to the Press», pp. 48, 88, 135, 136; «The Works of Benjamin Franklin». Vol. IV, pp. 262, 272, 288, 289; vol. VII, pp. 332, 333, 476.

³⁶ «The Works of Benjamin Franklin». Vol. IV, p. 295.

на «Здравый смысл» защита республики отсутствовала в произведениях представителей антиколониальной мысли. Для Франклина верность английскому монарху вытекала прежде всего из убеждения в необходимости сохранения Британской империи; уничтожение власти монарха, единственной нити, связующей ее, означало бы ее ликвидацию. А этого не желали ни Франклин, ни весь патриотический лагерь вплоть до начала в 1775 г. войны против Англии. Франклин полагал, что сохранение за королем этой роли обеспечивает наиболее полную государственно-правовую автономию колоний, в то время как закрепление этой функции за могущественным парламентом Англии сделало бы концепцию гомруля крайне уязвимой.

Франклин остро реагировал на то, что руководители американских патриотов медленно усваивали идеи гомруля. В 1768 г. в предисловии к лондонскому изданию «Писем» Дикинсона он выразил неудовлетворенность тем, что его соотечественник соглашался на сохранение за парламентом права «регулирования торговли» колоний. Он удивлялся непоследовательности «Циркулярного письма» массачусетской ассамблеи 1768 г., составленного С. Адамсом. В нем наряду с признанием ассамблеи единственным представителем воли жителей колонии присутствовало и определение английского парламента как верховной власти в Северной Америке. В июле 1770 г. в письме к одному из лидеров патриотов в Массачусетсе, Т. Кушингу, Франклин выражал категоричное пожелание, чтобы «такие выражения, как верховная власть парламента над нами, и подобные им, в действительности ничего не значащие, ...перестали употребляться в ваших публичных высказываниях»³⁷.

В самой Северной Америке по стопам Б. Франклина первым со всей решительностью пошел С. Адамс, один из признанных радикальных буржуазных лидеров-патриотов не только в своей колонии Массачусетсе, но и во всей Северной Америке. Его биограф У. Уэлс в трехтомном жизнеописании своего героя приписывает Адамсу чуть ли не все патриотические начинания и новаторские идеи, рождавшиеся в национально-освободительном движении³⁸. Эволюция взглядов С. Адамса после достижения независимости хорошо показывает ограниченность революционных настроений даже у наиболее радикальных представителей американской буржуазии. С. Адамс, который готов был использовать радикальные средства в борьбе против колониального гнета, пробуждавший патриотические чувства в простом народе, после победы над Англией выступил с осуждением попыток народных масс продолжить революцию. Он требовал подавления восстания Д. Шэйса, приветствовал идею сильного федерального правительства, содержащуюся в конституции 1787 года³⁹. Пример С. Адамса, может быть, лучше всего показывает истинные цели буржуазного руководства национально-освободительным движением Северной Америки. Борясь против английского господства, буржуазия Америки делала все возможное, чтобы помешать перерастанию антиколониального восстания в социальную революцию.

Два лица Адамса, обнаружившиеся на разных этапах войны за независимость, не были раскрыты буржуазными историками. Даже такой видный исследователь американской общественной мысли, как В. Л. Паррингтон, сумел рассмотреть только одного — революционного Адамса — и выдавал его идеи за эталон демократических воззрений⁴⁰. В 1764—1776 гг. в борьбе против английского колониального господства С. Адамс действительно выдвигал передовые для своего времени прин-

³⁷ Ibid. Vol. VII, pp. 332, 333, 476.

³⁸ W. V. Wells. The Life and Public Services of Samuel Adams. Vol. I—III. Boston. 1954.

³⁹ «The Writings of Samuel Adams». Ed. by H. Cushing. Vol. I—IV. N. Y. 1968. Vol. III, pp. 224—232, 235—242; vol. IV, pp. 252, 296, 322—329, 344—347.

⁴⁰ В. Л. Паррингтон. Основные течения американской мысли. Т. 1. М. 1962, стр. 304—320.

ципы. В многочисленных статьях, резолюциях, которые он умело проводил на городских собраниях Бостона и в массачусетской ассамблее, С. Адамс, опираясь главным образом на английские и французские буржуазные доктрины, на идеи Локка и Монтескье, подвергал критике акты британского парламента. Во взглядах С. Адамса очень ясно видна связь американской антиколониальной идеологии с западноевропейским Просвещением.

Во второй половине 1760-х годов С. Адамс при защите интересов колонистов особенно часто обращался к английскому конституционному праву. Тогда он, подобно Отису, еще рассматривал колонию и Англию как две части одного государства — Великобритании. Их жители, утверждал он, равны между собой, как британские подданные, находящиеся под покровительством единой английской конституции. Почему же, обращался он с вопросом к парламенту и королю, позволяют они себе нарушать принципы английской конституции в отношении одной части своих подданных? ⁴¹. Широко использовал он для обоснования своих требований естественно-правовое учение и в особенности труды Локка, которого в Англии считали лучшим выразителем этой теории. В парламентской политике по отношению к колонистам бостонский патриот видел покушение на всю локковскую триаду естественных прав — на жизнь, свободу и частную собственность. Особенно нетерпимым Адамс считал парламентское налогообложение колонистов, которое, по его мнению, представляло собой отрицание «природой и богом» данного, а потому «неотчуждаемого» и «естественного» права на частную собственность. И разве не учил Локк, напоминал Адамс, что отторжение хотя бы «части собственности подданных без их согласия есть конец всякой собственности», что государство создано для того, чтобы охранять право на частную собственность, а не уничтожать его ⁴². Третьим источником прав американцев Адамс считал колониальные хартии. Они, утверждал он, наделяли законодательной властью в колониях только ассамблеи ⁴³. Это положение было, однако, явной натяжкой. Многие хартии, например, прямо указывали на право парламента облагать колонистов налогами. В 1776 г. С. Адамс вынужден был признать этот факт, заявив, что хартии являются «туманными и неопределенными и их нельзя превратить в орудие борьбы за свободу» ⁴⁴.

Вклад С. Адамса в антиколониальную критику заключался в выдвигании им еще во второй половине 1760-х годов радикальной концепции патриотической тактики сопротивления. Умеренные идеологи предлагали использовать в борьбе за права американцев только тактику «морального» воздействия на короля и парламент. Франклин, опередивший других радикалов и С. Адамса в формулировании концепции гомруля, в вопросе о методах сопротивления тоже был противником насильственных средств. С. Адамс уже в 1768 г. в «*Boston Gazette*» показывал бесполезность обращения в парламент с петициями, переговоров с его депутатами и решительно оправдывал методы физического сопротивления решениям Англии ⁴⁵. Призывы Адамса полагаться в борьбе с англичанами только на силу находили отклик среди его сограждан. Именно Бостон, где С. Адамс, по словам теперь уже губернатора Хатчинсона, «правил, как хотел», городским собранием и ассамблеей ⁴⁶, был застрельщиком в использовании насильственных методов борьбы за права колонистов. 5 марта 1770 г. здесь произошло первое кровавое столкновение с английскими солдатами, а 17 декабря 1773 г. состоялось знаменитое «бостонское чаепитие».

⁴¹ «The Writings of Samuel Adams». Vol. I, pp. 8, 74, 134—136, 288.

⁴² Ibid., pp. 74, 134—299.

⁴³ Ibid., pp. 8, 70, 161.

⁴⁴ Ibid., vol. III, p. 262.

⁴⁵ Ibid., vol. I, p. 240.

⁴⁶ W. V. Wells. Op. cit., vol. II, p. 100.

В отличие от других патриотических лидеров, которые предлагали отстаивать свои права только через ассамблеи и боялись опереться в борьбе с Англией на широкие массы населения, С. Адамс оправдывал образование самочинных народных организаций. Он был инициатором создания организации «Сыны свободы» в Бостоне. В 1768 г., после роспуска массачусетской ассамблеи в Бостоне, по инициативе С. Адамса был созван первый в колониях неконституционный провинциальный конвент⁴⁷. В 1770 г. после того, как из-за корысти колониальных купцов кампания бойкота английских товаров окончилась неудачей, С. Адамс приходит к мысли, что основой сопротивления Англии могут быть только действия народа: «Пусть простой люд континента, которому божеским провидением в конце концов только и предопределено спасти Америку, прекратит всякие деловые отношения с теми, кто не присоединится к нему»⁴⁸ (бойкоту английских товаров.— В. С.).

Признание народных масс решающей силой сопротивления Англии не означало, впрочем, что С. Адамс отождествлял цели патриотического движения с интересами народа. Социальные идеалы С. Адамса всегда оставались по своей сути буржуазными. В том же 1770 г. он резко осуждал уравнилельные социальные идеи, которые заключали в себе, по его словам, такой же «произвол и деспотизм», как и доктрина закрепления верховных собственнических прав за короной⁴⁹. С. Адамс лишь лучше других представителей своего класса понимал, что уничтожения колониального гнета, в чем были заинтересованы и буржуазия и народ, нельзя добиться без союза с последним и без опоры на него.

Во второй половине 1760-х годов С. Адамс начинает подходить и к идее гомруля. Однако в отличие от Франклина взгляды его в этом вопросе были противоречивы. С одной стороны, отталкиваясь от доктрин договорного образования государства и представительного правления, С. Адамс постоянно доказывал, что законным носителем власти в колониях являются только ассамблеи. Но, с другой, он нередко называл парламент Англии «высшей законодательной властью империи», компетенцией которой должно определяться «фундаментальных конституционных прав». В результате создавалось впечатление о подчиненном положении ассамблей по отношению к парламенту⁵⁰. Только в конце 1771 г. в идейной полемике с Т. Хатчинсоном С. Адамс заявляет о полном отрицании каких-либо прав парламента в отношении колоний. Он рассматривает Массачусетс и Англию как два самостоятельных государственных образования, возникших из двух разных «общественных договоров» и объединенных в империи только одной королевской волей⁵¹. Теперь концепция государственно-правовой автономии Северной Америки С. Адамса полностью воспроизводит концепцию гомруля, предложенную Б. Франклином.

В первой половине 1770-х годов концепция самоуправления колоний завоевывает все больше сторонников среди радикальных критиков. В 1774 г. с ее обоснованием выступил Д. Адамс и А. Гамильтон. Самым крайним выражением концепции гомруля явились взгляды по этому вопросу, высказанные Т. Джефферсоном в 1774 году. Летом 1774 г. вирджинец депутат ассамблеи Т. Джефферсон подготовил инструкции для представителей колоний на первом Континентальном конгрессе, который должен был собраться в сентябре в Филадельфии. Его инструкции не были одобрены ассамблеей, так как показались ей чересчур радикальными, но были опубликованы в форме памфлета «Общий обзор прав Британских колоний»⁵².

⁴⁷ J. Miller. Sam Adams. Pioneer in Propaganda. Boston. 1936, p. 8.

⁴⁸ «The Writings of Samuel Adams». Vol. III, p. 126.

⁴⁹ Ibid., p. 137.

⁵⁰ Ibid., pp. 16, 67, 76; vol. II, pp. 210, 224.

⁵¹ W. V. Wells. Op. cit., vol. I, pp. 428—431.

⁵² D. Malone. Jefferson and His Time. Vol. I—IV. Vol. I. Boston. 1948, p. 181.

Центральное место в памфлете занимало обоснование концепции государственно-правовой автономии колоний. То, как легко и стройно излагалась в нем доктрина гомруля, показывало, что она к этому времени прочно укоренилась в сознании радикальных лидеров Северной Америки. Джефферсон в значительной степени просто повторял теорию федеративного устройства Британской империи Франклина, настаивая на полном равенстве народов и представительных органов власти Северной Америки и Англии как двух частей империи. Как теоретическую и политическую бессмыслицу, наконец, как полную нелепость даже с точки зрения «здорового смысла» Джефферсон рассматривал претензии парламента и «ста шестидесяти тысяч избирателей острова Великобритании» на то, чтобы управлять ассамблеями и «четырьмя миллионами людей, живущими в государствах Америки» (Джефферсон более чем в 1,5 раза преувеличивал численность населения колоний.— В. С.). Характерно, что в памфлете колонии назывались неизменно государствами (states), что полностью соответствовало доктрине их равноправия с Англией в составе империи⁵³.

Все права американцев Джефферсон обосновывал исключительно при помощи естественно-правового учения. В выборе «естественных прав» Джефферсон никогда не стеснял себя устоявшимися канонами. В Декларацию независимости 1776 г. он включил «естественное право» на счастье. В памфлете 1774 г. Джефферсон наделял американцев «естественным правом» на полную свободу торговли и промышленной деятельности⁵⁴. Тем самым он наносил удар по умеренным критикам, которые, ограничивая власть парламента в отношении колоний, сохраняли за ним, вслед за Дикинсоном, право регулировать торговлю Северной Америки. Опираясь на известное положение Локка о праве народа изменять форму государственного устройства, если она перестала удовлетворять его нуждам, Джефферсон доказывал, что это право может быть реализовано в форме эмиграции из отечества. Поэтому англичане, которые воспользовались «естественным правом» на эмиграцию и переселились в Америку, тем самым утратили зависимость от ее государственно-правовых институтов. Они образовали другую суверенную власть, заключив новый «общественный договор», которым связь с Англией поддерживалась только через короля, их «общего повелителя»⁵⁵.

Джефферсон, как и Франклин, стоял в тот период за конституционную монархию. Но в отличие от Франклина, который не высказал ни единого резкого слова в адрес английского короля Георга III, Джефферсон подверг этого монарха острой критике, возложив на него равную с парламентом ответственность за нарушение прав американцев. Он обвинял Георга III в узурпации права верховной собственности на «свободные земли» в Северной Америке, роспуске ассамблей, отмене принятых ими решений, размещении в колониях английских солдат и т. д. Молодой вирджинец говорил с королем языком ультиматума, требуя отменить эти акты. Используя идею Локка о верховенстве в каждом государстве законодательной власти, Джефферсон требовал подчинения Георга III воле ассамблей⁵⁶.

Доктрина гомруля, с которой радикальные критики колоний выступали на протяжении нескольких лет, сыграла большую роль в подготовке американцев к восприятию идеи независимости. Эта идея нашла свое выражение в революционной теории, при этом были преодолены два барьера — во-первых, сомнения относительно возможностей Северной Америки занять достойное место в мире вне рамок Британской империи,

⁵³ «The Papers of Thomas Jefferson». Ed. by J. Boyd. Vol. I—XVIII. Princeton. 1950—1971. Vol. I, pp. 121, 123, 125, 126.

⁵⁴ Ibid., p. 123.

⁵⁵ Ibid., pp. 122—123.

⁵⁶ Ibid., pp. 129—133.

во-вторых, сохранявшаяся еще лояльность колонистов по отношению к королевской власти. Эти барьеры были преодолены только в результате дальнейшего обострения противоречий с Англией.

В сентябре 1774 г. представителям двух направлений в патриотическом движении — умеренного и радикального — открылась возможность испытать свои силы на общеколонииальном политическом форуме — первом Континентальном конгрессе, который подвел итоги десятилетнего развития антиколонииальной идеологии и дал осязательное представление о соотношении сил радикалов и умеренных. Американский буржуазный историк Ч. Муллет, симпатизирующий левому крылу патриотов, высказал мнение, что на конгрессе точка зрения Джефферсона взяла верх над мнением Дикинсона⁵⁷. Этот вывод представляется неверным. На самом деле на конгрессе выявилось равновесие сил радикалов и умеренных, а принятая им «Декларация прав» являлась компромиссом. Из дневников Д. Адамса видно, что спор между радикалами и умеренными развернулся уже по вопросу об источниках прав колонистов. Радикалы доказывали, что права американцев основаны на «законах природы», что первые эмигранты, вступив на землю будущих колоний, оказались в «естественном состоянии» и были вольны в формировании собственных законов и государственной власти. Их оппоненты, Д. Гэлловэй, Д. Ратледж, Д. Дуэн, напротив, утверждали, что эмигранты находились в «политическом состоянии», были связаны государственной зависимостью от Англии, их права основывались только на британской конституции⁵⁸. В «Декларации» основой прав колонистов объявлялись как «законы природы», так и «принципы английской конституции». Эмигранты рассматривались как жители Англии, сохранившие все свои права после переселения в Америку. При конкретном обосновании прав колонистов упор делался на то, что они вправе пользоваться всеми свободами, гарантируемыми в Англии⁵⁹. Аргументы же, что права американцев вытекают-де из их собственного «общественного договора», не использовались.

Самое острое столкновение между умеренными и радикалами произошло, когда возникла необходимость определить высшую власть в Америке. Гэлловэй отверг концепцию гомруля как доктрину, устанавливающую «государство в государстве». В Великобритании, доказывал он, должна быть, как и во всяком едином государстве, общая высшая власть — парламент. В крайнем случае Гэлловэй соглашался на создание общеколонииального представительного органа — конгресса, но с подчинением его парламенту⁶⁰. Этот план, направленный на сращивание американской и английской государственности, был отвергнут большинством, правда, всего лишь в один голос. В конечном итоге в «Декларации», принятой конгрессом, провозглашалось, что законы для колоний могут приниматься лишь с согласия их жителей. Власть в вопросах «налогообложения и внутренней политики» закреплялась за ассамблеями с последующим утверждением их королем. За парламентом сохранялось право «регулировать внешнюю торговлю» колоний⁶¹. Таким образом, доктрина Дикинсона о праве парламента «регулировать торговлю» колоний была пересмотрена в том смысле, что ему не разрешалось вмешиваться во внутриэкономическое развитие Северной Америки. Но при этом концепция радикалов, вообще отрицавшая власть парламента в отношении колоний, не восторжествовала полностью.

События, происшедшие в Северной Америке после первого Континентального конгресса, свидетельствовали о неотвратимости революци-

⁵⁷ Ch. Mullett. Op. cit., p. 25.

⁵⁸ «The Adams Papers». Vol. II, pp. 128—130.

⁵⁹ «American Colonial Documents to 1776», p. 812.

⁶⁰ Ibid., p. 806.

⁶¹ Ibid., pp. 806, 807.

онного разрыва с Англией. 19 апреля 1775 г. произошли сражения под Конкордом и Лексингтоном, в мае собрался второй Континентальный конгресс, принявший решение о создании североамериканской армии во главе с генералом Дж. Вашингтоном. В конце того же года Георг III обвинил колонии в мятеже и заявил о твердом намерении расправиться с мятежниками. Но, как ни странно, в этот период антиколониальная доктрина не получила дальнейшего развития. Причина этого, как представляется, заключалась в том, что возможности эволюции доктрины гомруля были исчерпаны и новым словом в антиколониальной теории могла быть только идея независимости. А выступить с нею открыто не осмеливался пока еще ни один из лидеров левого крыла патриотов. Большинство членов конгресса твердо придерживалось линии на достижение мира с Англией и «восстановление» прав американцев в рамках империи. Лозунгу независимости суждено было прозвучать не из уст давно сложившегося руководства патриотов.

10 января 1776 г. в Филадельфии вышел памфлет, ставший высшим достижением антиколониальной мысли и совершивший, по свидетельствам современников, переворот в умонастроениях американцев. Памфлет назывался «Здравый смысл», а его автором был Т. Пейн, англичанин, просветитель-демократ, отвергнутый своей страной и прибывший в Америку в 1774 г. с рекомендательным письмом Франклина. Пейн внес в платформу патриотов две идеи, способствовавшие преобразованию ее в революционную теорию: доктрину республиканизма и обоснование провозглашения независимого государства. Смелость и новизна мыслей Пейна контрастировали со взглядами даже самых радикальных лидеров патриотов. На этом основании американский буржуазный историк Д. Льюис выдвинул сенсационную версию о том, что в 1776 г. никто из колониальных лидеров, в том числе и Джефферсон, не был способен написать «Декларацию независимости», принятую 4 июля 1776 г., и что ее по тайному поручению Джефферсона написал не кто иной, как Т. Пейн⁶². Эта фантастическая версия не способствовала, конечно, углублению понимания роли Пейна в развитии антиколониальной мысли. Что же касается наиболее маститых буржуазных историков США, то они просто замалчивают значение революционных идей Пейна, этого чужака среди представителей официальной политической родословной Америки, в развитии антиколониальной теории, не желая умалять авторитет «отцов-основателей».

Т. Пейн решительно отверг заблуждения, которые мешали американцам пойти на разрыв уз, связывавших их с Англией. Подвергнув критике «местные и давно устоявшиеся предрассудки» относительно английской конституции, которую даже радикальные идеологи патриотов рассматривали как хартию всех возможных свобод, пытаясь извлечь из нее обоснования для своих притязаний, Пейн показывал, что принципы общественного соглашения и представительного правления, столь почитаемые патриотами, фактически вытравлены из английской конституции и их тщетно искать в ней⁶³.

Острой критике Пейн подверг институт монархии вообще и королевскую власть в Англии в особенности. Разрушение монархической иллюзии — одного из последних оплотов верности североамериканцев империи, было особенно важно. Республиканские идеи до этого не получили развития даже в среде патриотов. Внесение республиканской доктрины в антиколониальную мысль было заслугой Пейна.

Защита республиканской идеи в Северной Америке, где она в

⁶² J. Lewis. Thomas Paine, the Author of Declaration of Independence. N. Y. 1947, p. 85.

⁶³ «The Complete Writings of Thomas Paine». Collected and ed. by Philip S. Foner. Vol. I—II. N. Y. 1945, vol. I, p. 6, 7; Т. Пейн. Избранные сочинения. М. 1959, стр. 23—26.

XVIII в., как и в Англии, рассматривалась в лучшем случае как утопия, была нелегким делом. Т. Пейн использовал для ее обоснования и для критики монархии философские, правовые, библейские (учитывая сугубую религиозность американцев) аргументы и, наконец, доводы, основанные на «здравом смысле», которые легче всего убеждали колонистов, отличавшихся практическим складом ума. Прослеживая родословную «коронованных негодяев» Англии от «французского ублюдка» Георга III, Пейн показывал, что их так называемые божественные права были самой настоящей узурпацией. Ссылки на «священное писание» должны были убедить американцев, что монархия была противна апостолам христианства. Многие аргументы были почерпнуты из теоретического арсенала европейского Просвещения⁶⁴.

Раскритиковав монархические предрассудки, связывавшие американцев с Англией, Пейн столь же беспощадно расправился и с другими весьма распространенными мифами и домыслами, мешавшими провозглашению независимости. Он высмеял утверждения, что без покровительства Англии экономика Северной Америки зачахнет, что она не способна самостоятельно обеспечить процветание своей торговли и развитие промышленности. Мнению о том, что только военная мощь империи обеспечивает надежную безопасность колоний, Пейн противопоставлял тезис, что при сохранении связей с Англией Северная Америка будет вовлекаться во все ее военные авантюры и не сможет иметь хороших отношений с другими странами Европы. Устаревшим объявлял Пейн убеждение, что Англия является первым отечеством американцев, что они связаны с нею кровными узами. Отечеством американцев, писал он, давно стала вся Европа, английская национальность утратила преобладание над другими в Новом Свете. Сама природа, отделившая океаном Северную Америку от Англии, была против их государственного единства. Наконец, доказывал он, стоит ли оставаться верным стране, которая пришла к американцам с огнем и мечом? Автор «Здравого смысла» первым в Северной Америке обращался к ее жителям с призывом образовать собственное государство и принять «Декларацию независимости»⁶⁵.

С публикацией «Здравого смысла» революционная антиколониальная доктрина вполне оформилась. Принятая 4 июля 1776 г. «Декларация независимости» как бы подвела итоги более чем десятилетнему развитию антиколониальной критики. Основанием прав американцев в «Декларации» объявлялись только законы, данные «природой и богом». Конгресс тем самым освобождал себя от связей и с английской конституцией и с колониальными хартиями. Распространенное в антиколониальной критике «естественное право» на эмиграцию и заключение нового общественного договора было заменено «естественным правом» на уничтожение не отвечающей интересам народа формы власти. Тем самым подводилась естественно-правовая основа под разрыв с английской государственностью и образование нового политического устройства. Целью нового государства объявлялось обеспечение «естественных прав» на «жизнь, свободу, стремление к счастью»⁶⁶. С принятием «Декларации независимости» возникло новое государство, получившее название Соединенные Штаты Америки.

⁶⁴ Ibid. Vol. I, pp. 9, 13—16; Т. Пейн. Избранные сочинения, стр. 26, 29—33.

⁶⁵ «The Complete Writings of Thomas Paine». Vol. I, pp. 17—31, 38, 39; Т. Пейн. Избранные сочинения, стр. 34—48, 53, 56.

⁶⁶ «The Papers of Thomas Jefferson». Vol. I, pp. 429—432.